

Ирина Коган
Самара (Россия)

Недетские детские книжки: о разрушении стереотипов нашей читательской рецепции

Что такое детская книжка сегодня? Есть ли у современной детской литературы особый мир, особые сюжеты, какие-то специфические герои или, может быть, особый тип конфликта? Если да, то возникают ли они как результат учета специфики возрастной психологии восприятия художественного текста детьми? Или это способ их насильственной изоляции от реальной действительности, попытка скрыть от них жизнь с ее непростыми проблемами или как-нибудь подлакировать происходящее.

Сейчас в детской литературе происходят непростые процессы. Она абсолютно меняется. В последние годы появилось, например, совершенно новое понятие «подростковый роман». Но развиваются в ней не только жанры.

Например, в западном литературоведении активно обсуждается вопрос о том, что необходимо выделять в качестве «самостоятельной» подростковую литературу в целом, поскольку она все стремительнее отпочковывается от собственно детской. Многие критики говорят даже о ней как об особом феномене, называют подростковую литературу книгами для молодых взрослых, используя формулировку «young kidalts», даже в русском языке появился термин «кидалт», взятый из английского (kid – ребенок, adult – взрослый), вот этот самый «кидалт» (как это не странно звучит для русского уха) есть обозначение тех молодых людей, которые уже детьми не являются, но в то же время пока еще не могут считаться полноправными членами взрослого социума.

Существуют ли у детской литературы какие-то ограничения и границы? Если эти ограничения есть, то какого они рода и что они ограничивают? Те же ли они, что и 40-50 лет назад? Ведь и сами дети сейчас живут в абсолютно новой реальности – в мире компьютерных

игр и социальных сетей – когда практически у каждого подростка Интернет существует прямо в мобильнике.

Первое, что приходит в голову в связи с понятием «ограничение» применительно к детской литературе, – это вопрос о запретных темах и неких запретных сферах жизни. Это то, что лежит на поверхности. Но речь может идти и о смыслах, о формах, о структурах, о картине мира, о типе мировосприятия. Все они при определенных условиях могут оказаться художественными элементами, выходящими за «границы» детской литературы, т.е. представляющими уже нечто «недетское».

Что же такое сегодня «недетское» в литературе? Это взрослые проблемы? Или это взрослые герои? Определяется ли эта «взрослость» возрастом или поведением героев? Или типом конфликтов? Или, например, взрослым языком? И что такое вообще – взрослый язык? Это сложные мысли? Или это незнакомые слова? Или это просто нецензурная лексика? Или это навороченные, сложно устроенные синтаксические конструкции или это стилевые эксперименты? Или, наконец, это некие сложносочиненные смыслы, которые есть результат сложных, недетских чувств и переживаний, поступков и отношений?

Разобраться во всем этом достаточно трудно – потому что разных типов «недетского» в современных детских книгах действительно очень много.

То, что лежит на поверхности, – это недетские темы.

И в первую очередь – это тема смерти, которая реально в детской литературе существовала всегда. Но сейчас она возникает совсем не в связи с подвигами героев, и не как героическая гибель на войне, а как тяжелое жизненное испытание, как часть того страшного мира, в котором действительно много жестокого и трагического. Например, когда речь идет об осознании ребенком трагизма и безвозвратности потери ушедших близких.

В принципе разговор о необходимости «примириться» со смертью, как это странно ни звучит применительно к книжкам для детей, – это в настоящий момент очень важный разговор для европейской детской литературы. Эта тема в последние годы активно разрабатывается скандинавской литературой. Когда у нас сейчас стали активно переводить их книжки, там оказалось множество поразительных книг, связанных именно с уходом из жизни близких и дорогих ребенку людей и с переживанием и осмыслением им этой ситуации. Но «скандинавский» опыт воспринимается в нашей стране неоднозначно, поскольку порой смелость некоторых, например, шведских книг,

по мнению ряда наших критиков и исследователей детской литературы, нарушает границы существующих у нас представлений о дозволенном в детском чтении.

Совершенно удивительная для нас вещь – возникший в современной шведской и норвежской литературе образ умершего дедушки. Вообще в европейской детской литературе в последнее время появился целый ряд историй про внука и дедушку – про ребенка, который стоит на пороге жизни, и человека, который уже из жизни готовится уйти.

Например, книга датского писателя Кима Фупса Окесона называется *Как дедушка стал привидением*. У героя повести умирает дедушка – и на вопрос, где он теперь, мальчик получает противоречивые ответы: папа считает, что он стал землей, мама – что он на небесах сделался ангелом. Мальчика это, естественно, абсолютно не устраивает. И вот однажды он обнаруживает, что дедушка, на самом деле, никуда не делся – а «торчит в его детской». И он, заставив дедушку пройти через стену, понимает, что дедушка теперь привидение.

А дедушку не покидает чувство, будто он что-то в этом доме забыл. И он начинает рассказывать Эсбину о самых счастливых моментах своей жизни – естественно, связанных с какими-то играми, с поездками с внуком. А Эсбин делится с ним всякими своими ощущениями и впечатлениями. И только тогда дедушка понимает, что он забыл самое главное – он забыл попрощаться с внуком.

Другая книжка – *А дедушка в костюме?* немецкой писательницы Амели Фрид – тоже связана с тем, чтобы помочь ребенку не только понять, что такое утрата, но как бы привыкнуть к мысли о другом «бытии» близкого человека. Маленький Бруно обнаруживает однажды, что его любимый дедушка лежит посреди гостиной в костюме, а вокруг полно грустных взрослых. Бруно спрашивает то одного, то другого, потом он дознается, что дедушка умер и его скоро похоронят.

Бруно не повезло – его дедушка призраком не стал, он просто умер. И это ужасно расстраивает и злит мальчика. Он обижается на дедушку, потому что тот так и не научил его рыбачить. А еще – он очень боится забыть все, что было у него вместе с дедушкой. Но тут папа дарит ему фотографию улыбающегося дедушки – и мальчику вдруг становится легче.

Постепенно он находит себе разные занятия и вдруг понимает, что с момента дедушкиных похорон прошел почти год – и грусть стала чуть меньше. К тому же, если думать, что дедушка, скорее всего,

счастлив там, где он теперь, то, наверное, и Бруно может позволить себе быть немного счастливым.

Все это помогает ребенку не только не бояться смерти, но и как бы смириться с ней, воспринять уход близкого человека как неизбежное, хотя и очень грустное событие, после которого, тем не менее, можно и нужно жить дальше.

У шведской писательницы Перниллы Стальфельт есть книжка, которая так и называется *Книга о смерти*. Она, как это ни дико для нас звучит, написана в определенном смысле с юмором. Некоторые считают – что и с цинизмом. Убеждена, что никакого цинизма здесь нет, потому что Пернилла Стальфельт пытается убедить ребенка в том, что смерть, похороны – это, конечно, очень грустно, от этого человеку очень плохо, больно, с этим чрезвычайно сложно жить, это тяжело даже для взрослых, но это не страшно. По ее мнению, очень важно воспитать в детях отсутствие священного трепета перед смертью. И вот она рассказывает, как умирают растения, рыбы, животные, потом переходит к людям, она описывает погребальные традиции разных народов, т.е. пытается ввести маленьких детей в мир смерти, что нам кажется совершенно жутким, в том числе и потому, что такой традиции в нашей детской литературе нет.

А вот еще одна шведская книжка, которая вызвала у нас в стране неоднозначную реакцию и стала предметом бурных обсуждений. Ульф Нильсон сочинил историю, которая называется *Самые добрые в мире*. И она рассказывает о том, как в один солнечный день трое ребят случайно находят мертвого шмеля и хоронят его. Они мастерят красивый крестик, пишут эпитафию и произносят подходящие этому случаю слова. А потом так увлекаются всем этим, что даже открывают собственную погребальную контору ОАО «В добрый путь». Мотивируют они это так: «Мы решили устраивать лучшие в мире похороны и помочь всем мертвым зверюшкам, которых никто не похоронил. И которые остались лежать на земле. Эстер рыла могилы, я сочинял стихи, а Пютте плакал»¹.

Мнения критиков разделились: одни восхищались таким сюжетом, такой реакцией детей на смерть – какой-то очень возвышенной, благородной и трогательной. А другим казалось, что в этом есть что-то циничное.

Но, на самом деле, как ни странно, «ролевые игры» оказываются в данном случае одним из лучших методов примирения со смертью.

¹ У. Нильсон, *Самые добрые в мире*, Москва 2008, с. 15.

И дохлый жучок или случайно найденный мертвый крот своим уходом из жизни как бы непосредственно, напрямую, не затрагивают ни одного из трех героев – и малыши при этом действуют спокойно, но они преисполнены благодати и рвения. И когда рассказчик говорит: к сожалению, нам попало не так много покойников, как мы надеялись, – вырванная из контекста, эта фраза для многих критиков оказывается жуткой, а в контексте книги она звучит абсолютно нормально.

Я уже не говорю о том, что на Западе вообще совсем про другое «взрослое» пишут. Сегодня в западной детской литературе есть все те самые острые темы, которые актуальны для жизни европейских тинейджеров: и алкоголь, и наркотики, и СПИД, и первый секс, и ранняя беременность, и изнасилования, и однополые семьи. В общем, там есть все что угодно. То, что в нашей литературе отсутствует в принципе. Хотя и в жизни наших сегодняшних подростков все это, к большому сожалению, тоже есть.

Западная детская литература занимается этим давно и серьезно. Сегодня градус жестокости и жесткости вот этих как бы детских книг, конечно, нередко «зашкаливает». И в нашей былой детской литературе были конфликты – был когда-то хороший Тимур и плохой Квакин. Но если вспомнить, например, Уильяма Голдинга, с его *Повелителем мух*, где есть тоже хорошие и плохие герои, то становится очевидно, что степень жесткости и жестокости описанного Голдингом мира даже для многих нынешних «продвинутых» подростков оказывается настоящим шоком.

В современной мировой детской литературе существует много книг с самой различной непривычной для нас тематикой, – непривычной просто потому, что мы не считаем возможным, а может быть, и необходимым с детьми об этом разговаривать. Например, когда детям пытаются рассказать, о том, как важно сохранить свою непохожесть на других. В общем, воспитывают в них то, что называется терпимостью и толерантностью.

Та же Пернилла Стальфельт, творчество которой чрезвычайно популярно в Швеции, написала книжку, которая называется *Одного поля ягоды*. Начинается она так:

Представь себе на минутку, что все люди станут похожи друг на друга как две ягоды. У них будет одно имя на всех. Они будут одинаково думать и делать одно и то же. И говорить одни и те же слова. И любить одно и то же мороженое. Тогда вокруг начнутся постоянные очереди. А вкусовостей и вовсе на всех не хватит. Скукотища да и только! Куда

интереснее если мир полон непохожих людей! Они могут быть рыжими, бритыми наголо, веселыми, ворчливыми, больными, нудными, какими угодно².

А вот еще одна датская книжка на эту же тему – *Гражданин, гражданка и маленькая обезьянка* упомянутого выше Кима Фупса Окесона. У гражданина и гражданки родилась обезьянка. Стоит ли говорить, как они переживают! И вот однажды в зоопарке они вдруг обнаруживают, что в клетке с обезьянками один из детенышей уж очень похож на человеческого. И в минуту слабости им приходит мысль подменить этого малыша! Но вдруг они понимают что-то очень важное – что их маленькая обезьянка им дороже всего на свете и ни на какого человеческого детеныша они ее не поменяют. И вдруг они приходят к мысли о том, что это уж не такое печальное событие и что эту обезьянку тоже может ожидать вовсе не такое уж печальное будущее. Может, она станет первоклассным учителем физкультуры, который умеет лазить по шесту. А может – артистом цирка! А может, она станет очень известным кинооператором, который умеет подкрадываться к обезьянам в Африке, снимать их и делать потом замечательные фильмы о дикой природе. Т.е. не какие-то абстрактные вещи – а вот совершенно конкретно! Внушаемая детям мысль о том, что ты другой, и в этом мире обязательно есть кто-то, кто будет любить и ценить тебя таким, какой ты есть. И это, конечно же, для нас чрезвычайно ценно!

Сегодня и в нашей детской литературе читатель нередко сталкивается с «недетским», но это «недетское» – совсем иного плана: оно не связано со страшным, со смертью или даже просто с жестокостью, а связано с недетской психологией в целом, когда детей погружают в какие-то взаимоотношения взрослых людей, которых в принципе они понять не могут.

Иногда это всего лишь какая-то одна маленькая деталь. Например, в книге Галины Демькиной папа подходит к мальчику и говорит ему: «Заводи друзей, Петр! Друзья – это прекрасно!». Тут в комнату входит мама и произносит: «А тебе хорошо бы друзей иметь поменьше». И уходит, больше ничего по этому поводу не объясняя. Ясно, что читающему этот текст ребенку совершенно непонятно то, что стоит за этими взрослыми отношениями.

С подобной ситуацией мы когда-то сталкивались в книжке Аркадия Гайдара *Голубая чашка*. Когда ты ее читаешь, то понимаешь, что

² П. Стальфельт, *Одного поля ягоды*, Москва 2007, с. 4.

книжка совсем не детская и отношения взрослых тоже совсем там не детские. Но они там даны намеком. А сегодня в современной детской литературе это абсолютно открыто.

А вот как «взрослый» мир воплощен в рассказе Олега Кургузова *Тепло наших чувств*.

Когда пришло очередное письмо от папиной родни, мама сказала: «Твоя родня совсем села нам на шею». А папа сказал: «Молчала бы уж. Твои-то родственники не слезают с этой шеи уж который год». А я подумал: «Хорошо еще, что у меня нет родственников. А то бы они сели на шею и маме, и папе, и мне». «И ни капли нет тепла в этих письмах, – горевала мама. – Сплошные просьбы: достань то, достань это. Они думают, что у нас здесь все есть». «Да, – согласился папа, – они в этом уверены. Однако в письмах моих родственников наряду с просьбами содержится некоторая доля тепла». «Ну, уж, – возмутилась мама – уж если и есть какая-то частичка тепла, так это в письме моей родни»³.

Ну, согласитесь, разговор совершенно не для детской литературы, потому что какие-то сложные взаимоотношения между взрослыми, которых в мире ребенка не существует. Недаром он воспринимает это буквально, что все бы сели ему на шею. И дальше родителям не приходит в голову ничего лучше, как принести термометр. И они начинают измерять температуру писем, которые получали от разных родственников. Они сверяют разные «температуры» – где 20, где 30 градусов. И вот финал рассказа.

Но тут среди кучи писем им попался затертый конверт. И термометр показал 0. «Ха-ха, – сказал папа, – наверняка весточка от твоей родни. Мама развернула письмо и тихо сказала: «Это написал мне ты, когда мы еще не были женаты. Какие здесь удивительные слова, но, оказывается, в письме не было тепла ни на грош!». «Ну, что ты, – сказал папа, – письмо, наверное, просто остыло за эти годы». Тут они оба погрустнели и совсем притихли. Им было уже не до споров. Они сидели на диване раздельно, как два каменных острова в тумане. Тогда я тоже сел на диван – и заполнил пустоту между ними⁴.

Вот пример того, насколько взрослый мир и взрослые отношения предстают перед нами в этой совсем детской книжке для младшего школьного возраста! И естественно возникающий вопрос: доступна ли ребенку суть происходящего, смысл этих отношений? Фабула ему, конечно же, абсолютно понятна, а вот психологическая тонкость

³ О. Кургузов, *Тепло наших чувств*, Москва 2007, с.

⁴ Там же, с. 127.

и глубина описанных событий совершенно не рассчитана на детское восприятие.

Особняком стоит вопрос об эстетической составляющей современных произведений для детей. Сегодня нередко именно в отечественной литературе мы сталкиваемся с «эстетически» не детскими книжками, с «эстетически» не детскими художественными приемами, которые используют в них писатели. Авторская ирония, пародийное начало, разного рода реминисценции – все это как бы в принципе не может быть адекватно воспринято ребенком.

У Василия Аксенова есть две сказки, написанные в 70-е годы. Это совершенно поразительные по уровню художественного мастерства и таланта книжки, которые вышли когда-то малым тиражом. Но то, что там читаешь, не укладывается ни в какие рамки представлений о том, как можно писать для детей. Вот два примера текстов, которые публикуются в журнале Республики Большие Эмпирей.

Кожаный мяч, управляемый ловкой ногою
Дружбы традиции пусть
возродит с моряками державы далекой!⁵.

Мы прекрасно понимаем, что это Гомер, это гекзаметр, это стилизация под *Одиссею*.

А вот второй текст.

Был парк пронизан лунным светом
Благоухал розарий мой.
Ко мне явился за ответом
Король души моей больной⁶.

Тут перед нами странный симбиоз мотивов и интонаций – и вспоминается и Александр Блок, и Анна Ахматова, и Игорь Северянин.

А вот финал повести: «Самолет врезался в воду и сразу исчез так, как будто его и не было. Не было никогда. Пузыри земли. О, пузыри земли. Как сказал великий Шекспир»⁷. Тут возникает не только Шекспир, но и Блок.

В повести появляется Джон Грей, супермен с автоматом. И герой, обращаясь к нему, спрашивает его про Риту и Нэлли, которых Джон Грей, в полном соответствии со строчкой дворовой детской песенки 60-х годов, называет «Рита и крошка Нэлли».

⁵ В. Аксенов, *Мой дедушка – памятник*, Москва 1972, с. 103.

⁶ Там же, с. 103.

⁷ Там же, с. 204.

Тренера маленькой героини Василия Аксенова зовут Г. Гумберт. И она перед сном вдруг говорит: «Кого-то мне не хватает в эту ночь – то ли родителей, то ли тренера»⁸. И все это – в сказке для младшего школьного возраста!

Совершенно понятно, что детская литература оказывается сегодня предельно двунаправленной, потому что она не только детская, она как бы и для взрослых тоже и в ней существуют другие, «недетские» смыслы. И, наверное, и поэтому тоже о детской литературе сейчас надо писать как-то по-другому. В каких-то, может быть, новых категориях, новых параметрах. Может быть, нужны какие-то новые классификации, для того чтобы понять, что же с этой современной детской литературой происходит.

А главное – нам необходимо отказаться от стереотипов нашего представления о том, что такое детская литература и что такое «детское» и «недетское» в литературе для детей в принципе. В этом нас убеждает состояние текущей мировой и отечественной детской и подростковой литературы.

И этот наш отказ от собственных читательских и психологических стереотипов будет явлением чрезвычайно продуктивным, поскольку он позволит нам без предубеждения взглянуть на новые детские книги, как отечественные, так и зарубежные, и адекватно осмыслить тенденции современного литературного процесса в сфере детской литературы. Это будет способствовать, в том числе, и выявлению в этом процессе наиболее интересных и талантливых литературных произведений, что позволит сделать чтение детей более качественным, более этически и эстетически наполненным, а значит, в итоге – и более значимым в плане духовного и нравственного воспитания юных читателей.

⁸ Там же, с. 186.

SUMMARY**Childish children's books: on the destruction
of stereotypes in the reception of books for children**

What is childish in today's literature? Is it a special world, special themes, some specific characters, or, perhaps, a special type of conflict? Or, for example, an "adult" language?

To understand all this is quite difficult – because of a great number of different types of "childish" in modern children's books. That's the main focus of the article.

The rejection of stereotyping is extremely productive, as it will allow us at look with an open mind to new books for children and to reflect adequately some of the modern trends in the field of children's literature.